

913 (с-м)

М-82

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

МОСКОВСКИЙ КРАЕВЕД

Выпуск 1 (9)

МОСКВА—1929

913 (с-м)

М-82

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

МОСКОВСКИЙ КРАЕВЕД

Выпуск 1 (9)

МОСКВА

МОСКВА

1929

БИБЛИОТЕКА
Н. М. С.
Изм. № 1765

Ответственный редактор

Б. Б. Веселовский.

Редакционно-Издательская Коллегия О-ва: Председатель—*И. Г. Клабуновский*. Члены коллегии—*А. П. Левицкий, П. Н. Миллер и С. В. Шольц*.
Секретарь—*Н. А. Дорогутин*.

2-я типо-литография Моск. отд. Центр. тип. НКВМ. Зубовская ул. д. 14. Тел. 4-79-55
Мосгублит 41.792. Тираж 1.000.

Каменные орудия из Павлово-Посадского торфяника М. О. Г. Э. С.

8-го августа 1928 года, Правление Московского Объединения Государственных электрических станций доставило в Государственный Исторический Музей три каменных орудия, найденных в нижнем слое торфа рабочим-десятником крестьянином Пензенской губернии Н. С. Полковниковым на участке „Кулиги“¹⁾. Для научного обследования условий находки орудий, Исторический Музей командировал двух лиц из своего состава: 1) заведующего Археологическим отделом—автора настоящей заметки и 2) сотрудницу отдела М. Е. Фосс, которые и выполнили предварительную часть порученной им работы 14-го августа текущего года.

Участок „Кулиги“ находится в северо-западном углу торфяного болота Г.Э.С. имени инж. Классона, в 24-х километрах к северу от Павлово-Посада, Богородского уезда, Московской губернии. Орудия найдены 23 июля 1928 г., на 33-м пикете, в 225 метрах к юго-западу от озера Черного, в 150 метрах от суходола, составляющего западный берег торфяника „Кулиги“, и в 150 шагах к югу от железнодорожного пути, проложенного для эксплуатации торфяника. Находка орудий сделана в тот момент, когда рабочие вынимали последний (самый нижний) пласт торфа. Орудия залежали почти рядом друг с другом. Ниже приводимое подробное описание разрезов торфяного ботанического состава, иллюстрирующее геологические и палеонтологические условия залегания орудий, нам очень любезно сообщено инженерами Химической лаборатории Центральной Торфяной Станции, за что мы и выражаем им глубокую благодарность.

Разрез и состав торфа пикета № 33, на котором сделана находка орудий.

1. Пушицево-сфагновый торф, содержащий пушицы 40, сфагнома 50 и сосны 10 процентов; залегают на глубине от 0 до 0,25 метра.
2. Пушицево-сфагновый торф, содержащий пушицы 40 и сфагнома 55 процентов; залегают на глубине от 0,25 до 0,50 м.
3. Шейхцерицево—пушицевый торф, содержащий шейхцерию 20, пушицы 65 и сфагнома 10 процентов; залегают на глубине от 0,50 до 0,75 м.
4. Древесно-пушицевый торф, содержащий сосны 20, пушицы 70 и сфагнома 10 процентов; залегают на глубине от 0,75 до 1,00 м.
5. Пушицево-древесный торф, содержащий пушицы 25, сосны и березы 55, травы 10 и сфагнома 10 процентов; залегают на глубине от 1,00 до 1,25 м.
6. Древесно-осоковый торф, содержащий березы и сосны 30 и осоки 65 процентов; залегают на глубине от 1,25 до 1,50 м.

¹⁾ Сопроводительный документ МОГЭС от 18 августа 1928 г. хранится в делах Секретариата Государственного Исторического Музея.

7. Древесно-осоковый торф, содержащий березы и сосны 30, осоки 50 и травы 10 процентов; залегает на глубине от 1,50 до 1,75 м.

8. Древесно-осоковый торф, содержащий древесины 25, осоки 50, травы 25 процентов; залегает на глубине от 1,75 до 2,00 м. В этом слое были найдены три каменных орудия.

9. Сапрпель¹⁾ — на глубине от 2,00 до 2,50 м.

Из приведенного разреза видно, что большинство слоев торфа сопровождается остатками дерева, именно: березы и сосны. При осмотре разреза на месте, мы видели, что эти древесные остатки представлены множеством толстых пней, оставшихся от деревьев, в большинстве случаев погибших на корню, и древесины, в которой определение древесных видов становится затруднительно.

Разрезы соседних пикетов (№№ 34 и 30) дают почти аналогичные наслоения. Интересное исключение дает пикет № 30, в котором на глубине от 1,50 до 2,00 м., содержится осоки 15 и гипнума 80 процентов, что как бы указывает на его более древнее отложение. Чтобы понять значение этого и других описанных в разрезах явлений, необходимо ввести их в связь с установленной нормальной схемой отложения торфа в Средней России. Такую схему дают проф. Вл. С. Доктуровский²⁾ и проф. В. Н. Сукачев³⁾ в следующем виде: 1) молодой сфагновый торф, 2) пограничный горизонт (слой с мощными пнями сосны и с пушицею), 3) старый сфагновый торф, 4) гипновый, иногда осоково-ростниковый торф, и т. д.

Сравнивая с приведенной схемой разрезы торфа участка „Кулиги“, можно прийти к заключению, что три верхних слоя последнего (от 0, до 0,75 м.) относятся к горизонту молодого сфагнового торфа; следующие пять слоев (от 0,75 до 2,00 м) относятся к пограничному горизонту, а нижний слой разреза пикета № 30 — к горизонту гипново-осокового торфа нормальной схемы проф. Доктуровского и Сукачева.

Каменные орудия участка „Кулиги“ найдены в основании пограничного горизонта. Шведские археологи и торфоведы, основываясь на археологических находках их страны, пришли к выводу, что времени отложения молодого сфагнового торфа соответствует время памятников культурной деятельности человека неометаллической (железной) эпохи; времени отложения торфа пограничного горизонта соответствует время памятников палеометаллической (бронзовой) эпохи (вероятно самого конца ее); и, наконец, времени гипново-осокового торфа соответствуют еще более ранние памятники, относимые шведами, по местной классификации, к неолитической эпохе, а по нашей интернациональной археологической классификации, относящиеся к поздней, а может быть и к концу ранней поры палеометаллической эпохи.

На основании такой параллелизации археологической и торфянологической классификационных схем следует заключить, что каменные орудия участка „Кулиги“ должны относиться к бронзовой эпохе шведской классификации, созданной Оскаром Монтелиусом, полагавшим, что в Швеции бронзовая эпоха соответствовала времени от 1600 до 800 лет ранее христ. эры. В нашей классификации эти годы соответ-

1) Сапрпелью называется весьма сложное образование, в основе содержащее водные организмы, так называемого микропланктона. Подробное его исследование сделано Потонье. См. Вл. С. Доктуровского: „Болота и торфяники“. М. 1922 г., стр. 116 и 117.

2) В. С. Доктуровский: „Болота и торфяники“ М. 1922 г., стр. 202.

3) В. Н. Сукачев: „О пограничном горизонте торфяников“. Почвоведение, 1914 г., вып. 1 и 2. Разрез Шуваловского торфяника, представляющий очень типичным.

ствуют концу поздней поры палеометаллической эпохи, оканчивающейся около 1500 года до христ. эры, и первой половины ранней поры неометаллической эпохи, соответствующей времени от 1500 до начала христ. эры. Так как описываемые орудия залежали в основе пограничного горизонта торфа, то время их должно совпадать или с концом палеометаллической или началом неометаллической эпохи; т.-е., приблизительно, около 1500 года до христ. эры. Этому времени, как мы увидим ниже, не противоречат и типы найденных каменных орудий.

Шведские ученые, в особенности Сернандер, выяснили, что времени образования горизонта молодого сфагнового торфа соответствовал холодный и влажный климат, а времени образования пограничного горизонта торфа—теплый и сухой климат. Если так обстояло дело и в Средней России, то следует допустить, что жизнь людей, оставивших нам каменные

орудия в Павлово-Посадском торфянике, протекала при лучших климатических условиях, чем современные. Что касается культурного состояния людей того времени, то о нем дают некоторое понятие найденные орудия труда. Все они сделаны из камня, а это уже указывает на сравнительно низкое культурное состояние владельцев их. За пятнадцать веков до христ. эры культуры Египта, Месопотамии, М. Азии и Эгейского архипелага достигали весьма большого развития. Сравнительно с ними все известные культуры Европы стояли гораздо ниже.

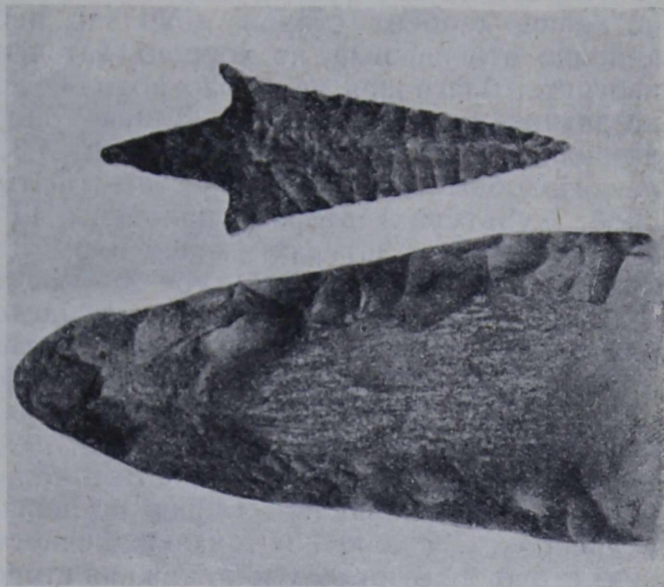

Рис. 1 и 2.

Тем не менее и эти отсталые европейские культуры владели металлическими орудиями и утварью. Имелись ли подобные орудия и утварь у изучаемых обитателей Павлово-Посадского торфяника, сказать еще затруднительно, хотя с наибольшею вероятностью можно утверждать, что таковые были и это потому, что ближайшая по времени и пространству Сейминская культура обладала прекрасными и, повидимому, многочисленными бронзовыми орудиями и украшениями, не расставаясь, однако, с отживающими свое время каменными, иногда блестяще обработанными орудиями.

Из павлово-посадских каменных орудий особенною красотою, законченностью и цельностью отличается наконечник стрелы (рис. 1). Он сделан из кремня коричневого цвета с вишнево-красным оттенком. Форма его черешковая, жаловидная. Длина наконечника равна 5,5, ширина 2 и толщина 0,5 см. Наконечник сработан из ножевидной пластинки, верхняя, повидимому, двухгранная, плоскость которой тонко отретуширована на два ската, нижняя плоскость, слегка вогнутая, отретуширована только вдоль краев, что обуславливает трехугольную профиль поперечного разреза стрелы. Ретушировка вы-

полнена отжимником, придавшим краям стрелы пильчатую зубчатость. Черешковые, жаловидные, кремневые стрелы появляются в общечеловеческой культуре рано и кончают свое существование поздно, а поэтому для хронологических определений неудобны. В Средней России такие стрелы известны в культурах поздней поры неолитической эпохи (около 5000 лет до христ. эры). Позже они существуют в течение всего времени палеометаллической эпохи и кончают свое существование в ранней поре неометаллической эпохи, вероятно, около 800—500 лет до христ. эры. Таким образом на нашей территории описываемые стрелы существуют около пяти тысяч лет, вероятно, еще более. Изящная отделка павло-посадского экземпляра указывает на принадлежность к более поздней части времени их существования.

Кремневый топорик имеет грубоватую форму (рис. 2); он сделан из слегка изогнутой, широкой пластинки желтоватого кремня; по краям, с обеих сторон, довольно небрежно отбит отбойником; неполно отшлифован, но хорошо заточен по лезвию. Лезвие слегка изогнуто, благодаря чему оно походит на лезвие желобчатых долот, но значительно прямее их. Длина топорика равна 7,8, ширина по лезвию—3,6, по обуху—1,5, толщина—1,3 см. Обух вверху подокруглен. Подобные топорики известны в Фатьяновской и Нижнеднепровской культурах второй половины III тысячелетия христ. эры, а также и в культурах ранней поры неометаллической эпохи, например, в Галической культуре X—VIII века до христ. эры.

Третьим предметом павлово-посадской находки является каменная кирка (рис. 3), сделанная, как показало предварительное исследование (без шлифа), выполненное для нас ассистентом при кафедре Минералогии 1-го М.Г.У., И. Д. Позиловым, из песчаника или кварцита черного цвета с красноватым оттенком. Основные выходы этой кристаллической породы известны только на севере в Олонецкой губернии и Финляндии. Кирка не цела, длинный конец ее отбит в древности, а короткий также в древности притуплен. Верхняя (лобная) сторона кирки выпукла, нижняя сторона, обращенная к рукоятке, гладка; бока первоначально также были гладки, но потом, (вероятно после слома длинного конца) получили продольные, слегка вогнутые желобки, указывающие, что испорченной киркой пользовались как брусом для натачивания желобчатых каменных орудий (долот). Для скрепления с рукояткою кирка снабжена отверстием, просверленным массивным сверлом с двух сторон. Сверлины каждой стороны имели форму опрокинутого усеченного конуса. Центры сверлин немного не совпали. Получившийся дефект исправлен добавочным расверливанием каменным буравом, может быть кремневым пирамидальным нуклеудом. Диаметр сверлины сверху (с лобной стороны) равен 2,9, снизу—3, в середине, где конусовидные углубления сходятся друг с другом, около 2 см. Длина сверлины равна 4,2 см., длина же всей кирки равна 16, ширина—5,6 и толщина—4,2 см.

Кирка, по своей форме, совершенно схожа с северными кирками: олонцкими, финляндскими и др., где они бывают и с сверлинами и без сверлин. Время их довольно позднее: они, вероятнее всего, принадлежат или к концу палеометаллической, или к началу неометаллической эпохи, т.-е., приблизительно, ко времени около XV века до христ. эры.

Заслуживает особенного внимания то, что павлово-посадская каменная кирка, имея северную форму, сделана из северного материала, что как бы указывает на импортацию его из северных стран.

Таким образом, возникает мысль о деловых сношениях населения Средней России с населением далекого севера. Эта интересная мысль возникает здесь не в первый раз: уже несколько лет тому назад нами замечено, что характерный ромбический орнамент, напоминающий вафельный узор, неолитической керамики верхнеокского района ¹⁾ оказывается совершенно схожим с таким же ромбическим орнаментом неолитовидной керамики с берегов озера Лача ²⁾, что среди многочисленных остатков неолитической стоянки, открытых г. М. Бурцевым в г. Белеве, на берегу р. Оки, оказался крупный

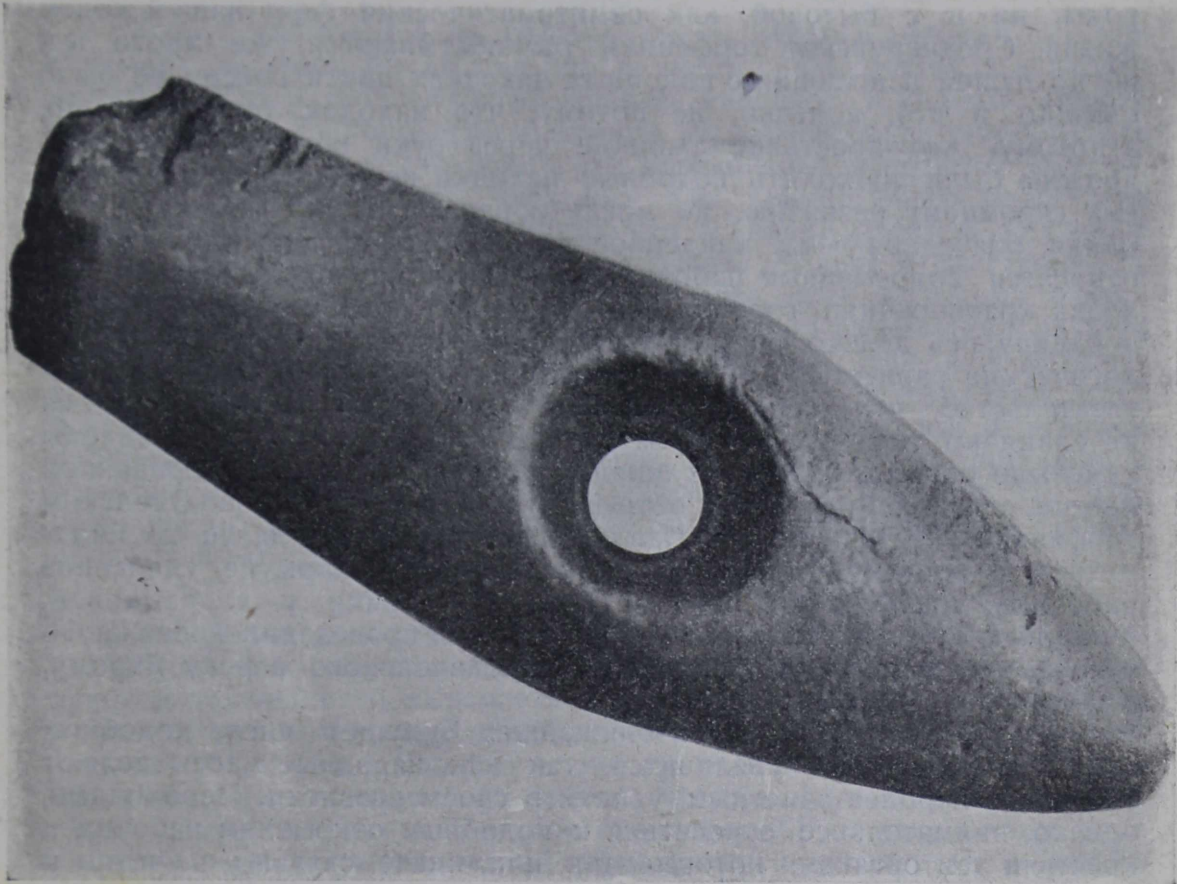

Рис. 3.

предмет с сверлиной на одном конце неизвестного назначения, сделанный почти из целого бивня моржа ³⁾.

Самою близкою к нам областью обитания моржей служит Белое море. Отсюда следует заключить, что уже неолитическое население средней России находилось в деловых сношениях с отдаленнейшими странами севера; а это уже сильно облегчает допуск мысли о существовании таких же сношений и в более позднее время павлово-посадских каменных орудий, когда описываемая каменная кирка и явилась в средней России плодом северного импорта.

¹⁾ Государственный Исторический музей, зала 2: коллекции Н. А. Преображенского и др.

²⁾ Государственный исторический музей, зала запасных коллекций: коллекция т. Маркова.

³⁾ Государственный Исторический музей, зала 2, коллекция т. М. Бурцева.

Из приведенного освещения каменных орудий павлово-посадского торфяника, можно видеть, что орудия эти не относятся к каменному периоду и, может быть, не относятся к палеометаллической эпохе металлического периода: их место, вероятнее всего, в первой трети ранней поры неометаллической эпохи, когда на ряду с ними, могли существовать не только медные и бронзовые, но и железные орудия. Это время приблизительно соответствует XV—XI векам до христ. эры.

В заключение нельзя не отметить, что павлово-посадская находка каменных орудий интересна не только с чисто-научной стороны, но и с бытовой, как симптоматический факт нашей новой жизни. Среднерусские торфяники разрабатываются уже много лет, но до нашей революции о подобных находках почти совсем не было слышно и это, конечно, не потому, что находок тогда не было, а потому, что крестьяне-рабочие через руки которых неизбежно должны были проходить подобные находки не обращали и, по своему скромному развитию, не могли обращать на них никакого внимания, благодаря чему найденное вновь терялось навсегда. Не так относятся современные рабочие. Описанная павлово-посадская находка красноречиво говорит, что развитие современного рабочего продвинулось далеко вперед, благодаря чему находимые ими археологические раритеты уже не проходят без внимания и оценки. В доказательство, что павлово-посадское явление, в настоящее время не единично, можно указать на то, что в 1925 г. рабочими найдены каменные орудия, обломки глиняной посуды и какой то деревянной клетки, сделанной из тонких обтесанных палочек в Орехово-Зуевском торфянике, отстоящем от Павлово-Посадского не далее 25 километров к востоку ¹⁾, а в 1926 г. последовало открытие, сделанное рабочими, чрезвычайно богатой древней стоянки у д. Языковой, Кашинского уезда, Тверской губернии, при проведении дренажного канала для спуска части воды озера Савченского в реку Яхрому, с целью осушения луга ²⁾.

Следует полагать, что в ближайшем будущем число подобных открытий еще более увеличится, так как народные массы делают все более и более заметные успехи в своем развитии. Необходимо, однако, внимательнее относиться к подобным открытиям рабочих и крестьян тем органам, которые так или иначе связаны с учетом и охраной памятников старины. В данном случае не бесполезными были бы и соответствующие вознаграждения гражданам, которые, понявши значение памятников, сообщают о них своим более просвещенным руководителям или представляют их в такие учреждения, как музеи.

В. А. Городцов.

В августе 1928 г. по заданию и на средства Гос. Музея Центр.-Пром. Обл. и Гос. Тверского Обл. Музея Б. С. Жидковым были произведены первые раскопки Языковской стоянки, давшие чрезвычайно большой материал, характеризующий три культурных комплекса.

Прим. ред.

¹⁾ Часть вещей хранится в Государственном Историческом музее.

²⁾ Коллекция из Языковой стоянки хранится в Тверском и Кашинском музеях, а также и у проф. В. С. Доктуровского, в Москве. В состав коллекций входит много каменных и костяных орудий, обломки глиняных сосудов и кости диких животных.

Гжельский керамический район.

Впечатления и выводы.

Хотя с именем Гжели связано очень много в истории русской керамики, все-таки мы до сих пор не имеем сколько-нибудь исчерпывающих работ в этой области. Правда, наверное, в каждой книжке или даже статье по вопросам керамики мы можем найти какое-нибудь упоминание о Гжеле, но часто эти упоминания настолько смутны, что ровно ничего не дают читателю. Как пример этого недостатка литературы, можно указать на то, что основной работой по Гжелю до сих пор продолжает оставаться работа Исаева в 85 страниц ¹⁾, изданная в 1876 году, при чем и эта работа, хотя и весьма внимательная, крайне недостаточна, охватывая только экономику и отчасти технологию керамического района того времени. Вот этот недостаток сведений и побуждает меня поделиться теми материалами, которые я собрал, живя в Гжеле. Как бы ни были временами отрывочны приводимые мною сведения, благодаря краткости моего пребывания в Гжеле и трудности одиночного обследования, я думаю, что все-таки они могут принести известную пользу для дальнейших исследований в этой области.

I.

Я не имею в данное время намерения останавливаться на истории Гжельского производства в прошлом, но мне необходимо для ясности дальнейшего изложения остановиться только на одном почти методологическом моменте. Весьма часто исследователи, давая характеристику Гжели, не вполне четко проводили грань между двумя областями, или даже, можно сказать, эпохами Гжельского производства—между Гжелью, как местом создания в XIX-м веке целого ряда капиталистических предприятий фарфорового производства, и Гжелью гораздо более древнего происхождения, Гжелью кустарей-гончаров. Правда, почти все фарфоровые заводчики произошли из местных же крестьян, правда и то, что иногда эта грань едва уловима,—но, как бы то ни было, эти два явления все-таки—нечто совершенно разное и в классовом, и в экономическом, и, наконец, в производственном отношении. Однако, исследование Исаева о Гжеле называется „Промыслы Московской губернии“, а исследование Вихляева еще более определенно—„Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения“. Создается такое впечатление, что эти две области есть нечто почти одно и то же.

Для характеристики всей экономической разницы между этими двумя производствами и вытекающей отсюда, что для нас особенно важно, разницы в путях их развития в будущем можно привести несколько данных.

Даже в наиболее благоприятные моменты размер одного гончарного хозяйства не превышал 4,4 человек. В то же время по круп-

¹⁾ Исаев. Промыслы Моск. губ. М. 1876 г.

Библиография.

„Краеведение“. Периодический орган Центрального Бюро Краеведения. Под редакцией акад. С. Ф. Ольденбурга и акад. Н. Я. Марра. Изд. Главнауки и Госиздата. 1928. Том V. №№ 6, 7, 8, 9, 10, стр. 321—384; 385—448; 449—512; 513—560; 561—608.

В последних пяти №№ журнала за 1928 год напечатан ряд статей, затрагивающих различные стороны краеведческой работы. Методике гуманитарного краеведения посвящена интересная статья Н. П. Андиферова — „Краеведческий путь в исторической науке“, обосновывающая локальный метод в изучении исторического прошлого и заостряющая вопрос о задачах и методах исторического исследования в краеведении вообще.

Статьи С. И. Бельденинова — „Сибирское краеведение, правовой быт и обычное право“, А. В. Мизерова — „Народные приметы“, А. А. Спицына — „Краеведческая работа на базарах“ обращают внимание на вопросы, еще не получившие широкого распространения в работе краеведов.

Проблемы естествознания в краеведении трактуют статьи: М. И. Нейштадта — „Изучение истории лесов и климата путем анализа пыльцы в торфе“ и П. Е. Васильковского — „Роль краеведов в деле учета охотничьих богатств страны“. Первая статья, однако, носит узко специальный характер, и обосновываемый в ней метод работы доступен исключительно небольшому кругу специалистов. Вторая статья затрагивает один из животрепещущих вопросов, в разрешении которого могут и должны принять участие краеведы. Однако приходится сожалеть, что статья лишь ставит вопрос об учете охотничьих богатств страны и не дает никаких практических указаний для его правильного разрешения.

Разрез школьного краеведения представлен очень ценной статьей Е. С. Радченко — „Что может дать уездное статистическое бюро для краеведной работы учителя“, в которой намечаются практические возможности использования материалов статбюро для работы школы.

Проблеме краевого музееведения посвящены статьи: А. М. Кузнецова — „Отдел фабрично-заводской промышленности в местных музеях“ и А. Н. Свободова — „Литературный и мемориальный отдел в

областных музеях“. Первая статья, основанная на одних теоретических предположениях, затрагивает весьма важный и слабо освещенный в краевом музееведении вопрос. Однако, ряд положений статьи вызывает серьезные возражения (напр., вводный отдел, схема расположения коллекций, необоснованность границ между чисто экономическими производственными материалами и коллекциями по быту и т. д.). Несомненно, практическая работа музеевдов в затрагиваемой области внесет ряд существенных поправок в теоретические предположения, которые выявляет автор статьи. Вторая статья обосновывает и дает ряд практических указаний для той работы, которая ведется на местах в деле изучения и музейной экспозиции литературных и мемориальных материалов края.

Большое недоумение вызывает статья — „Синтетическая расстановка в отделе местного края областного музея“. Один из серьезнейших вопросов в области построения краевого музея иллюстрируется весьма неубедительным материалом. А примечание редакции к статье аннулирует и те небольшие крупницы положительных сведений, которые содержит публикуемый материал. Печатание такого рода материалов надо считать ошибочным и не достигающим цели.

Обзору краеведческой работы библиотек посвящена интересная статья В. В. Симонковского с обильным фактическим материалом по затрагиваемому вопросу. П. Н. Степанов в статье — „Опыт краеведческой работы с активом уральского студенчества“ затрагивает одну из любопытных форм краеведческой работы в Москве, осуществленную им в течение 1927—28 г. г. со студенчеством московских вузов. Статья А. М. Большакова — „Выяснение понятий, связанных с краеведным изучением социальной структуры деревни“ едва ли место на страницах краеведческого журнала, ибо материал, анализируемый в ней, имеет значение, выходящее за пределы только краеведения.

Две статьи (С. Н. Чернов — „К вопросу о собирании и изучении географической номенклатуры“ и И. М. Гревс — „Очередная задача краевого культуроведения“) посвящены критическому разбору двух вышедших книг (первая — книге М. И. Смирнова — „Наставление к изучению местной

историко-географической номенклатуры"; вторая—книге Н. К. Пиксанова—„Областные культурные гнезда“), затрагивающих весьма существенные и интересные вопросы в области краеведения.

Совершенно особняком и ничем не связана с предыдущими статьями является статья М. И. Успенского—„Простой выход“, полемизирующая с органом Центрархива по вопросу о передаче в учреждения последнего материалов, хранящихся в краеведческих организациях.

Мы исчерпали все статьи методического характера. Однако, те замечания, которые мы делали при обзоре первых пяти №№ журнала за 1928 год остаются в силе¹⁾. Напечатанный материал, несмотря на его разнообразие, носит весьма неровный характер и обходит самые животрепещущие вопросы краеведческой практики. На страницах журнала не чувствуется отражения тех злободневных вопросов, которые выдвигает жизнь в наши дни. М. б. выходом из указанного положения является тот план журнала, который намечает редакция на 1929 год, и в котором предположено отвести ряд страниц наиболее интересным „краеведческим исследованиям“, проводимым на местах. Отдельные №№ журнала предположено отвести разработке одной темы: краевому музею, комплексному изучению деревни и т. д.

Отдел журнала—„Из истории краеведения“ еще только намечается, и напечатанные статьи (М. И. Кадек—„Еще о первом краеведческом провинциальном журнале“, М. И. Успенский—„Археографическая экспедиция 1828—1834 г. г.“) еще не позволяют судить о будущей физиономии этого отдела.

Хроникальный материал не отделен от методических статей, что невыгодно нарушает структуру журнала. Отметим в этом отделе интересные статьи: Н. И. Касперовича—„Краеведение в Финляндии“, В. В. Дмитриева—„10 лет этнографической работы в Смоленской губ.“, С. И. Хомченко—„Результаты учета кольцованных птиц в СССР за 1926-27 г. г.“, ряд материалов по фенологии, по охране памятников природы, искусства, быта и старины и др. Следует всячески развивать и углублять этот отдел журнала, который при тщательном и умелом руководстве может представлять большой интерес для краеведов.

Библиографическая часть журнала по-прежнему носит случайный и невыдержанный характер. Напечатанные „Основные правила составления библиографии карточек по краеведческой литературе“ вызывают ряд серьезных недоумений и возражений и никак не могут играть роль „азбуки библиографии“, к чему стремились их составители. Необходимо открыть широкую дискуссию вокруг этого документа и пре-

достеречь краеведов от слепого „принятия“ этого, во многих частях спорного и ошибочного материала. По отношению к остальной части этого отдела остаются в силе все высказанные ранее замечания. Напечатанные рецензии заставляют еще резче поставить вопрос о необходимости коренной реорганизации этого отдела.

Необходимо отметить регулярность выхода журнала, что является большой заслугой руководителей „Краеведения“.

Ник. Дорогутин.

М. А. и Н. А. Евтюховы—Тростенское и Чудцево озера Воскресенского у. Московск. губ. Труды Худ.-Ист. Краевого Музея в г. Воскресенске. Вып. VI, изд. Музея. 1928 г., часть 1-ая, стр. 78. Тираж 1.000, б/цены

Книга Евтюховых состоит из 2-х работ:

1. М. А. Евтюхова (Вадская). Очерк растительности—на 45 стр.

2. Н. А. Евтюхов. Птицы—на 33 стр.

Цель обеих статей, по предисловию совета Музея, заключается в том, чтобы осветить природу уезда, тот базис, на котором строится его хозяйственная жизнь.

Очерк М. А. Евтюховой составлен на основании обследования растительного покрова заболоченной котловины, в которой расположено озеро Тростенское, и другой, меньшей по размерам котловины с озером Чудцевым (в равной мере обследована растительность и самих озер). В очерке приводится довольно подробная характеристика основных растительных ассоциаций прилегающих к озерам болот и окраски самих озер. Описание растительности велось по профилям методом пробных площадок (в 100 кв. метр. и 4 кв. м). Степень обилия растений отмечалась по системе Друде, дополнением к которой было указание на фенологические стадии, ярусность и высоту растений, а в 4 м. пл. учитывалось покрытие по Хульт-Сернондену.

В очерке приводится 12 для Тростенского и 4 для Чудцево озер типичных растительных ассоциаций.

На основании произведенного обследования (поданные 50 пл. по 4м²), автор подтверждает закономерность, известную под именем закона константности, что видно из двух чертежей кривых константности.

Далее приводятся предварительные данные результатов бурения болот и дна озер, на основании которых составлены схематические профили озер. И, наконец, очерк заканчивается приведением общего списка растений, встреченных при обследовании.

Весь очерк иллюстрирован довольно удачно сделанными фотографиями.

С интересом просматривая указанную работу, чувствуешь, однако, в ней один пробел, благодаря которому ценность ее понижается.

В очерке не выявлено то, что принято теперь называть „целевой установкой“. Проведена большая работа по обследованию, собран интересный материал, и читателю предоставлено полное право делать какие

¹⁾ См. мою рецензию в № 6 „Москов. Краевед.“ за 1928 год.

угодно выводы. Вот, отсутствие в очерке хотя бы самых основных выводов самого автора, с одной стороны, делает работу не законченной, с другой, — благодаря слишком узкой специальной теме мало доступной даже более подготовленному читателю. Заполнение этого пробела было бы чрезвычайно важным отделом очерка тем более, что приводимое в тексте чисто флористическое описание, не связанное с почвенным, в сильной степени затрудняет возможность сделать какой либо вывод даже специалисту производственнику¹⁾.

Н. Тихомиров.

г. Можайск.

Работа Н. А. Евтюхова „Птицы Тростенского и Чудцева озер Воскресенского у. Московской губ. (1926 и 1927 г.)“ слагается из четырех частей: 1—список птиц обоих названных озер с указанием характера пребывания наблюдавшихся видов; 2—биологическая часть, заключающая замечания к каждому виду списка о времени прилета, данные о гнездовании, отдельные случаи наблюдений и т. д. (эта часть работы включает ценный фактический материал); 3—описание распределения птиц на озерах по местам обитания и 4—описание озер, как охотничьих угодий.

Исследование фауны определенного ландшафта (в данном случае озер) уже определяет, в известной степени, экологическое направление этого исследования. Вполне понятно, поэтому, что наибольший интерес представляет третья часть работы, где автор рассматривает распределение птиц по местообитанию (станциям), предварительно охарактеризованному по их растительному составу. Особого внимания заслуживают иллюстрирующие эту часть работы схематические карты, исключительно наглядно показывающие зависимость распределения птиц от характера растительности. Интересно сравнение распределения птиц по гнездовым и кормовым станциям. Здесь автору, затрагивающему причины обуславливающие распределение птиц, ценный материал дает анализ желудков.

Работа Н. А. Евтюхова представляет для краеведов не только научную, но и

1) Редакция полагает, что статья М. А. Евтюховой дает совершенно отчетливое представление о растительности обследованных ею озер, чем и исчерпывается задача автора. Что же касается „выводов“ и „целевой установки“, то материал, собранный автором на ограниченном пространстве не достаточен для обобщений теоретического порядка; а в отношении практических выводов следует заметить, что делать их, пользуясь только ботаническими наблюдениями, вряд ли целесообразно: они должны появиться в результате синтеза всех данных по природе края. Автор, несомненно, поступил весьма осторожно, воздержавшись от преждевременных заключений.

методологическую ценность, как опыт детального экологического изучения фауны определенного ландшафта.

Н. Шибанов

Мурановский Сборник. Выпуск I. Москва. 1928. Стр. 125. Издание Музея им. поэта Ф. И. Тютчева в Муранове.

„Мурановский Сборник“ является вторым после „Тютчевского Сборника“, дающим нам ряд новых данных не только о Тютчеве, но и о его сверстниках и эпохе. В отличие от „Тютчевского“ данный сборник сообщает главным образом документальный материал — все историко-литературное освещение вынесено в примечания на конце книги. Подобно экспонатам музея, документы говорят сами за себя, исключая вопроса о борьбе Тютчева и Аксакова с цензурой; которому посвящена особая вводная и очень обстоятельно написанная статья Георгия Чулкова. Статья эта в особенности очень ценна тем, что блестяще оправдывает высказанные Г. В. Плехановым предположения²⁾.

О том, что деятельность И. Аксакова — редактора „Дня“, является яркой страницей борьбы русской общественной мысли с самодержавием, деятельность, искупающая многие из славянофильских грехов И. Аксакова. Борьба эта рисует личность Аксакова с совершенно новой привлекательной стороны и невольно наводит на мысль, что И. Аксаков был не один в этой неравной борьбе. Г. В. Плеханов обратил внимание на то, что поворот этот был даже для славянофилов, не говоря уже о западниках, крайне неожиданным и очень решительным, но у Г. В. Плеханова не было достаточных данных для решения вопроса о том, чье же личное воздействие явилось тем заключительным агитационным поступком, „подстрекнувшим“ И. Аксакова к такой неравной радикальной борьбе и гражданскому мужеству. Теперь мы это знаем точно — это был Тютчев! Знаем и тот общественный кружок, который дружно поддержал этот поворот.

И как это знаменательно литератора И. Аксакова поддержал Председатель Комитета Иностранной Цензуры Ф. И. Тютчев!

Таким образом к числу соучастников Аксаковских „вольностей“³⁾ мы должны теперь определенно причислить и Тютчева — идейного вдохновителя и агитатора Аксакова в этом вопросе.

Статья Г. Чулкова дает нам новые данные для внутреннего облика и самого Тютчева. В своей статье Л. Гроссман⁴⁾ убедительно показал, как Тютчев, наблюдая „су-

2) В сборн. „От обороны к нападению“ о кн. Гершензона „Записки об обществ. развитии“.

3) Непонравившихся ни славянофилам ни, западникам тем, что И. Аксаков взял под свою защиту существование свободы слова для „Современника“.

4) „Тютчев и сумерки династии“. См. сборник „Три современника“. М. 1922. Стр. 5-37.

мерки династии“ и „Закат“ буржуазного Запада, почувствовал всю неминуемость этого, по его мнению, „апокалипсического“ события, как Тютчев, наблюдая „древний хаос“, в себе самом отвел место закономерности в переходные моменты хаоса и в общественной жизни и не любя революции чувствовал в ней творческое начало дающее жизни неминуемые новые цветущие формы и постепенно склонил свою седую голову перед революцией, как перед апокалиптической неизбежностью „рока“ мировой истории. Начав с защиты охранительных принципов, Тютчев признал и закономерность революции.

Также оказывается обстояло, судя по ст. Г. Чулкова, дело и со взглядами Тютчева на свободу слова. Из цензора жизнь своею мудрою диалектической логикой превратила его в горячего защитника свободного слова.

Не менее важное значение для освещения внутреннего облика личности Тютчева имеет и впервые помещенный полностью в „Мурановском Сборнике“, — перевод Тютчева из „Эрнани“ В. Гюго, перевод сделанный с тем задушевым мастерством, когда переводчик и поэт чувствуют себя конгениальными в каком-либо вопросе, когда они — один через посредство другого — высказывают свои заветные мысли.

Мы бы сказали даже определенно, что перевод Тютчева качественно выше оригинала как по изысканности образов, так и по скандованной гулко-чеканной музыке стиха.

Знаменательна и дата этих строк — 1828 — ровно почти сто лет тому назад чуткий орлиный взгляд Тютчева подметил и вдохновенно передал нам „славянам“ — это первое самопризнание Запада о своем роковом Закате и окрасил его тем роковым Тютчевским предчувствием грядущего хаоса в этом столь наполеоновски начавшемся столетии.

Что случилось далее, мы знаем — апокалипсизм Тютчева развился впоследствии совсем не похоже на мировоззрение В. Гюго, но в 1828 г. у них была одна общая исходная точка.

Не менее интересны и письма Тютчева к П. А. Вяземскому. Влияние Вяземского на Тютчева оказалось большим, чем можно было бы ожидать. Мы рискуем утверждать, что четкость образов, любовь и внимание к изысканной музыке стиха минутами сильно сближали обоих поэтов с тою только разницей, что кудрявая цветистость Вяземского превращалась в тонкий чеканный глубоко художественный символический узор Тютчевского стиха, стиха, в котором под образом шевелился создавший его хаос.

Можно сказать, что до Тютчева редко оригинальная философская мысль облакалась в столь художественно прекрасные одежды.

Очень важны также для решения вопроса о том, были славянофилом или Западником Тютчев, его слова П. А. Вяземскому

во II письме от 1848 года¹⁾: „Очень большое неудобство нашего положения заключается в том, что мы принуждены называть Европой то, что никогда не должно было бы иметь другого имени, кроме своего собственного: цивилизация“.

Слова эти дают ключ ко многим настроениям Тютчева. Именно — где цивилизация, там и Европа. Значит Европа может быть космополитична только при этом условии. Ну, а если она его не выполняет и, называясь Европой не, дает цивилизации? — тогда ее ждет гибель — „Закат“. Удивительно (характерная для Тютчева в немногих заветных случаях) железная логика чувствуется в этих простых дружеских словах Тютчева своему корреспонденту. Тут мы стоим у истоков философского раздумья и Достоевского над судьбами Европы. И прав, внутренне прав Л. Гроссман, начиная здесь портрет второго славянина судьбы над Европой — Достоевского¹⁾.

По недостатку места мы исчерпали лишь очень небольшую часть материала „Мурановского Сборника“, но из анализа вышепредложенного материала ясно видна его первостепенная документальная ценность для уяснения развития личности Тютчева, его эпохи и будущего Европы.

К книге приложен ряд очень ценных библиографических примечаний и именной указатель.

Пожелаем скорейшего появления в свет и 2-го выпуска этого интересного сборничка, к тому же типографски получившего весьма изящное оформление.

К. Сперанский.

Памятники усадебного искусства.

I Московский уезд. Труды Картографической Комиссии Об-ва Изучения Русск. Усадьбы. М. 1928, стр. 106, 15 рис., 1 карта; тир. 1.000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Выявление историко-архитектурного наследия прошлых веков является одной из первоочередных задач нашего краеведения, поскольку монументальные сооружения повсюду документируют как культурное состояние, так и социальные и экономические условия местности — поэтому небольшая книжка ОИРУ заслуживает большого внимания, как первый опыт опубликования полного перечня памятников определенного района. В особую заслугу составителям надо поставить описание памятников на основании непосредственного коллективного обследования, тогда как все предшествовавшие попытки такого рода, главным образом Петербургской Археологической Комиссии, строились преимущественно на анкетном материале, естественно весьма пестром и недостоверном.

Дав короткие характеристики каждого сооружения, составители сопроводили их

¹⁾ „Мур. сб.“, стр. 53.

¹⁾ Op. cit, стр. 63—114.

перечислением прежних владельцев и ценными библиографическими указаниями; иллюстраций по техническим условиям дано немного, но среди них впервые публикуются такие малоизвестные памятники, как замечательная церковь в Пояркове 1665 г., относящаяся к строительству Арт. Серг. Матвеева и в колокольне представляющая единственный образец совершенно ажурного сооружения, к сожалению, не приведена также исключительная по изощренности декабрировка стен здания; можно отметить также оригинальные псевдоготические постройки 1790-х гг. в Тишкове, великолепный зал конца XVIII в. в Знаменском-Садках и др.; по некоторым сооружениям воспроизведены обмеры планов.

Естественно, что при такой большой работе неизбежны были некоторые пропуски и иные несовершенства, так ни в Коломенском, ни в Измайлове и Тайнинском не упомянуты бывшие дворцы, послужившие поводом для сохранившихся построек; в двух первых опущены сведения о парках и прудах; в Коломенском пропущен флигель Тюринского дворца, Ключничьи палаты не примыкают к спасским воротам, а расположены отдельно на юг от них; по многим объектам не отмечено ценное внутреннее убранство, также местами слишком суммарно описаны некоторые уникальные памятники; по ц-вам в Тайнинском и Алексеевском следовало бы отметить, что хоры в них были сделаны для царских женщин; на Перерве не указан интереснейший патриарший дом конца XVII в.; в Черемушках дом не „реставрирован“, а капитально переделан арх. Жолтовским и т. д. Иногда сбивчива терминология: почему-то ворота в Измайлове обозначены как „позднее бырокко“, т. е. европейское? или правильно ли утверждение, что „барабан поставлен на кокошники“ (Алексеевское)—вместо „низ барабана украшен кокошниками“ и т. д.

Эти очень незначительные погрешности, конечно, не уменьшают достоинств труда, который, несомненно, хорошо послужит краеведам, историкам искусства и даже просто любознательным туристам; предложенная карта облегчит ориентировку. Можно пожелать скорейшего выпуска дальнейших трудов Комиссии, приступившей к проработке Звенигородского уезда, а также постепенного опубликования более детальных материалов по обследованным памятникам.

Если так много неизведанного дало изучение ближайшей к Москве территории, то сколько неожиданных открытий можно еще сделать в более отдаленных от крупных центров и еще менее затронутых обследованием местностях!

Н. Левинсон.

В. Снегирев. Похождения Бернгарда Шварца (через Московию на Восток), вступ. статья С. Полтавского. М. и Л. ЗИФ. 1928 г. 412 [4] стр. 30 илл., обл. П. Алякринского; тир. 5.000 экз., ц. 2 р. 75 к.

Наша литература не слишком богата произведениями на исторические темы и последние попытки в этой области не блещут ни особыми литературными достоинствами, ни чрезмерной правдоподобностью. „Историческое повествование“ В. Снегирева задается целью воссоздать возможно точную картину жизни середины XVII в., используя преимущественно известные записки Адама Олеария о путешествии в Московию и пополюя их сведениями других иноземных источников; в предисловии автор подробно разъясняет метод своей работы. Повествовательная часть книги заключается в описании походов героя — отважного и ужасно бескорыстного ланскнехта-туриста, но приключенческая сторона почти лишенная фабулы, не заслоняет общего историко-бытового фона; при этом описание ведется большей частью под углом зрения иноземцев и из-за этого скользит по поверхности, не вскрывая социальных причин явлений.

Давая несколько растянутую вступительную часть, занимающую свыше 1/4 повести и обрисовывающую состояние германских стран в эпоху 30-ти летней войны, автор особенно подчеркивает чувства, переживаемые иностранцами, отправляющимися в в неведомую, полную экзотической притягательности страну, какой в то время представлялась Московия. И далее, в весьма живом изображении Московской жизни дана картина быта иноземной колонии, в частности тех ремесленников, которые были вызваны для обучения русских разным мастерствам. Изложение ведется живо и только несколько загромождено частыми „рассказами“ действующих лиц, пространно повествующих об исторических событиях и других обстоятельствах, не укладывающихся в фабулу повести; не всегда удачно оттенена разница языка Москвитян и иноземцев, в уста которых иногда вложены слишком русские выражения. Также можно возразить против обилия примечаний, введенных автором для подтверждения его добросовестности в использовании подлинного опубликованного материала, но разрушающих единство изложения и предательски выдающих привлечение разновременных и разнородных сведений — все это можно было бы пояснить в предисловии тем более, что некоторые примечания странным образом расходятся с текстом.

Так, описывая двор торгового гостя Никитникова в Белом городе, автор поясняет, что фактически его двор находился в Китай-городе, в других случаях отмечается, что истинная дата излагаемых событий в действительности относилась к иному времени. Не обошлось и без некоторых недоразумений: хр. Василия Блаж. в сер. XVII в. не был раскрашен „всеми цветами радуги“; длина стен Земляного города была не 35, а 14 верст (первая цифра относится к Камерколлежскому валу); стена Белого городка была не из „белого камня“, а из кирпича; на рис. стр. 194 изображена не „площадь перед Кремлем“, а Болото; едва ли по

Красной площади носились „бесчисленные“ извозчики; место, где стриглись называлось не Вшивый „рынок“, а „ряд“; непонятно, почему Иван Великий возносился как „воплъ отчаяния“; неизвестно, какая предшественница немецкой слободы называлась „Панской“; довольно невразумительны в описании ц. Троицы в Никитниках „пирамидальные крыши из кокошников“ или „фронтоны в мавританском вкусе“ и т. п.

Однако следует признать, что эти в общем несущественные шероховатости вполне естественны при скудости научных опубликований, знакомящих достаточно полно с материальной культурой Старой Москвы надо приветствовать почин автора, сумевшего в увлекательной и в то же время вполне серьезной форме популяризировать сведения, накопленные в „сказаниях“ иностранцев. „Повествование“ дает отличный материал для прогулки по Москве XVII в., тем более, что существующая планировка города, названия местностей и многие памятники архитектуры и поныне те же, что и столетия тому назад.

Книга удачно снабжена репродукциями гравюр из сочинения Олеария и др. современников (только рис. на стр. 68 относится к концу XVIII в.). Совсем неудовлетворительна обложка, в половине рисующая подобие Мусульманской Азии, куда Шварцу, несмотря на беззаветную смелость и неизменную удачливость, так и не пришлось попасть, и не дающая ни малейшего намека на Московию, составляющую центральную часть книги.

Н. Левинсон.

Образцовый лист топографической карты Московской губернии Можайского уезда. Печатано в Карт. Отд. Г.К. ВСНХ—СССР в 1927 г. Издательство МОЗО. Тираж 5000. Цена 50 к.

В конце прошлого 1928 года издательством МОЗО был выпущен в продажу изданный в 1927 г. лист рельефной карты поверхности Бородинской волости Можайского уезда Московской губернии, охватывающий небольшой сравнительно район, расположенный вблизи волостного села названной волости, размерами 5 квадр. километров. Этот единственно пока изданный „образцовый“ лист — крохотная часть большой и важной работы, проделанной партией специалистов по двум волостям Можайского уезда, — указанной выше Бородинской и Ашеринской в течение летних сезонов 1926—27 и 28 г.г. по указаниям специальной комиссии по выявлению рельефа поверхности нынешней Московской губернии при МОЗО под руководством бывш. старшего геодезиста т. Филоненко. Из подписей справа внизу листа видно, что съемка этого участка волостной карты была произведена с 15 мая по 22 июня 1926 г. т.-е. в первую очередь, В. Домниным. Чертеж выполнен М. Каллей. Масштаб рассматриваемой карты очень

крупный—100 метров в 1 сантиметре. Сечение рельефа дано через каждые 2,5 метра. Над подписью слева внизу листа начальника партии, производившей съемку, помощн. уездного землеустроителя А. П. Масленникова имеется подпись губернского ревизора МОЗО т. Литвака. Работы по съемке, черчению и самому изданию листа карты выполнены прекрасно. Остается только глубоко пожалеть, что этот первый образцовый лист рельефной волостной карты уезда по изданию, кажется, будет единственным. Предстоящее в текущем году районирование Можайского уезда и изменение границ волостей, видимо, заставит МОЗО ограничиться выпуском в свет единственно этого листа. Несомненно почти, что при выборе для издания участка волостной карты доминирующую роль играло, с одной стороны, то обстоятельство, что в этот участок вошел важнейший пункт волости, административный ее центр, село Бородино, а, с другой стороны, на этот выбор, видимо, повлияло и то обстоятельство, что из всей поверхности волости был заснят в первую очередь именно этот участок.

Как я уже говорил выше, МОЗО, очевидно ограничится в настоящее время изданием этого единственного листа волостной карты за изменившимися условиями. Нужно думать, однако, что изданный МОЗО лист карты, несмотря на сравнительно большой тираж издания, найдет быстрый сбыт главным образом среди массы экскурсирующих ежегодно по Бородинскому полю лиц, так как он захватывает один из важных участков знаменитого Бородинского сражения 1812 года. Для последней цели, однако, рассматриваемая работа по изданию МОЗО выполнена вполовину: изданным листом не охвачен не только крайний правый участок боя (северный) с устьем реки Колочи, Старым Селом и русскими батареями у д. Маслово на берегу р. Москвы, но и самый важный участок сражения юго-западный: д. д. Шеварино, Утицы и Семеновская. Теперь, когда набор карт (8 листов) „Топографической съемки окрестностей села Бородино 1839 года“, всего несколько лет назад в большом количестве бывший в продаже, стал библиографической редкостью, доиздание карты Бородинского сражения МОЗО представляется особенно целесообразным и нужным.

Несколько слов теперь о самом изданном МОЗО образцовом листе. В нем есть несколько досаднейших опечаток и искажений в названиях исключительно речек и ручьев, омывающих Бородинское поле. Если съемщиком и были взяты иногда нынешние народные названия, редакции следовало бы в виду их исключительного интереса, дать параллельно с ними в издании и названия старые, знаменательные, исторические. Древний военный плацдарм еще русско-польско-литовских войн, каковым фактически является Бородино, вполне, кажется, заслуживает этого. Каждая чуть-

ли не пядь земли его была известна не только нам, русским, но и иностранцам задолго еще до прославившего его Бородинского боя (см. „Записки“ Ложье, Брандта и др.)—Колоча, Война, Огник, Стонец,— как трудно подчас узнать их в названиях рек и ручьев изданного листа карты!— Колоча (древн. Колотча) напр. превратилась на листе в Колочь, Война в Воинку, Стонец в Стопец, а левый приток Стонца р. Огник неожиданно стал на карте р. Пруд-

ки, очевидно, по старинному названию того оврага, по которому он течет. Эти немногие исправления, впрочем, исчерпывают решительно все погрешности листа карты и отнюдь не умаляют его большого и важного значения в краеведческих целях. Единственным упреком издательству можно поставить сравнительно высокую цену издания—50 коп.

Н. Власьев.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стран.</i>
Городцев, В. А. Каменные орудия из Павлово-Посадского торфяника МОГЭС	3
Фудель, С. Гжельский керамический район. Впечатления и выводы	9
Смирнов, П. Геоботанические исследования в Коломенском и Серпуховском у.у. Московской губ. в 1927 г. (предварительное сообщение)	23
Мантейфель, П. А. и Фометарек, С. С. Распространение малого подорлика <i>Aquila pomarina</i> Brehm в Московской губ.	34
Хроника. — Отчет о деятельности О-ва изучения Московской губ. с 1/1 1928 г. по 1/1 1929 г.— Годичное собрание О-ва изучения Московской губ.— Шибанов, Н. Зоологические исследования Гос. Музея Ц. П. О. в Моск. губ.— Бадер, О. Раскопки Синьковского городища и Каргашинского селища Дмитр. у., Московск. губ., в августе 1928 г.— Колобов, В. М. 2 выставки-передвижки Звенигородск. Музея (1928/29 г.)	38
Библиография —Рецензии—Ник. Дорогущина, Н. Тихомирова, Н. Шибанова, К. Сперанского, Н. Левинсона, Н. Власьева	56

1973 Н.
Общество Изучения Московской губернии
и
Московское Общество Сельского Хозяйства

Д. П. СЫРЕЙЩИКОВ

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ
РАСТЕНИЙ
МОСКОВСКОЙ ГУБ.

294 стр. с рис. М. 1927 г.

Цена 1 р. 40 к. Оптом 90 к.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

Москва, 9, Тверская, Моссовет, Губплан.

Обществу Изучения Московской губернии.

ИЗДАНИЯ

Общества изучения Московской губернии.

И. А. Здановский.—Каталог рек и озер Московской губ. С прилож. гидрограф. карты (6 лист.), масштаб 6 в. в дюйме. 96 стр. М. 1926 г. Ц. 3 руб.

А. А. Борзов, проф.—Краткая программа для описания рек и речных долин Моск. губ. 16 стр. М. 1926 г. Ц. 40 к.

И. А. Здановский.—Составление географического словаря Московской губ. (программа), 7 стр. М. 1926 г. Ц. 15 коп.

Программы и инструкции по монографическому обследованию деревни. 20 стр. Л. 1927 г. Ц. 25 коп.

Подворная карточка.—14 стр. 20 коп.

М. С. Швецов.—Краткий очерк геологического строения Каширского уезда. 33 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 50 коп.

О. П. Булич.—Коломна, пути исторического развития города. Общий очерк. 94 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Н. Луцких.—Программа по обследованию и учету полезных ископаемых. 12 стр. М. 1928 г. Ц. 15 коп.

Н. С. Тюнин.—Краткая программа обследования лесов местного значения. **В. О. Недельский.**—Анкета по учету оврагов, песков. 10 стр. М. 1928 г. Ц. 10 коп.

„**Московский Краевед**“.—Вып. I. 74 стр., с рис. М. 1927 г. Ц. 75 коп.

„**Московский Краевед**“.—Вып. II. 107 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 1 руб.

„**Московский Краевед**“.—Вып. III. 67 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 65 коп.

„**Московский Краевед**“.—Вып. IV. 79 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 75 коп.

„**Московский Краевед**“.—Вып. V. 73 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 75 коп.

„**Московский Край в его прошлом**“.—Сб. 128 стр. М. 1928 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

„**Московский Краевед**“.—Вып. VI. 62 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 65 к.

„**Московский Краевед**“.—Вып. VII—VIII. Музейный. 181 стр., с рис. М. 1929 г. Ц. 1 руб. 80 к.

„**Московский краевед**“.—Вып. I (9), 63 стр., с рис. М. 1929 г. Ц. 50 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

„**Московский Краевед**“.—Вып. II (10).

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ: Москва, 9, Моссовет, Губплан, О-во
Изучения Московской губернии. Тел. 5-45-10.

1970 Н.

Цена 50 коп.